

Минина В.Г.

Минский государственный лингвистический университет, Минск

СИМВОЛ ДОМА В ТВОРЧЕСТВЕ КАДЗУО ИСИГУРО

Сдержанно-спокойные сказы героев К. Исигуро (р. 1954), неспешно повествующих о своей жизни, изобилуют деталями. Обыденные на первый взгляд многие из них помимо предметного наполнения содержат скрытый смысл, превращающий их в символические образы. Считается, что для перехода детали в разряд символов достаточно хотя бы одного из следующих четырех условий: 1) сгущенности художественного воплощения, 2) сознательной установки автора на выявление символического смысла изображаемого, 3) контекста произведения, когда независимо от намерения автора «открывается» символический смысл того или иного элемента художественной образности при рассмотрении его в целостности творческой системы писателя, 4) литературного контекста эпохи и культуры [4, с. 379].

Одним из доминантных символов в творчестве К. Исигуро выступает образ дома, который проходит через все романы писателя и, будучи неоднократно повторен, приобретает символический смысл, который имеет свои нюансы в разных произведениях. Специалисты в области знаков [1] расшифровывают «дом» как уменьшенную модель вселенной, освоенное, покоренное, «одомашненное» пространство, в котором человек находится в безопасности. Дом выступает символом рода, родовой мудрости: что происходит в доме, то имеет место и внутри человека.

Большой пустующий дом Ецуко, героини первого романа автора *«Там, где в дымке холмы»* (A Pale View of Hills, 1982) свидетельствует о ее одиночестве, а извечно закрытая дверь комнаты дочери, когда та еще была жива, указывает на отсутствие взаимопонимания между близкими людьми. Стоящий у подножия холма дом Масуи Оно (роман *«Художник зыбкого мира»*, An Artist of the Floating World, 1986) – большой и частично разрушенный во время войны – говорит о превратившейся в развалины жизни его хозяина. Во время бомбардировки под развалинами дома погибла жена героя – прошлое

разлетелось на куски, и сейчас он своими руками медленно ремонтирует дом и одновременно налаживает новую жизнь и лечит душу.

Привилегированный, стоящий в уединении Дарлингтон-холл в *«Остатке дня»* (The Remains of the Day, 1989), с одной стороны, является символом старой жизни – той, когда Британия была мировой державой, и с ней невозможно было не считаться. О.Г. Сидорова пишет, что роман *«Остаток дня»* посвящен «феномену английскости, тому образу Англии, который сложился в сознании самих англичан и в сознании иностранцев» [3, с. 236]. С другой же стороны, став собственностью нового хозяина – богача-американца, Дарлингтон-холл символизирует послевоенную Англию, потерявшую все свои колонии и, следовательно, мировое господство, и все более попадающую под влияние Америки. Не только Дарлингтон-холл, но и другие описываемые К. Исигуро особняки, которые остались в руках британских владельцев, указывают на упадок Британии. Они являют собой удручающую картину, как, например, дом некоего полковника: четырехэтажный, весь увитый плющом, наполовину запертый и с зачехленной мебелью. Хозяин пытался продать его, ибо, по словам его слуги, в одном лице совмещавшего должности дворецкого, камердинера, шофера и уборщика, *такая громадина ему теперь без надобности* [2, с. 119]. Дома, подобные этому, больше не являлись отличительными знаками богатой аристократии, а скорее символизировали ее безденежье и уходящее величие.

Герой романа, дворецкий Стивенс, называет Дарлингтон-холл местом свершения мировой политики. Он говорит, что *ключевые решения, затрагивающие судьбы мира, в действительности принимаются вовсе не в залах народных собраний <...> Скорее, настоящие споры ведутся и жизненно важные решения принимаются за закрытыми дверями в тишине великих домов нашей страны. <...> Для нас, таким образом, мир был подобен вращающемуся колесу, а великие дома – его ступице, и их непререкаемые решения, исходя из центра, распространялись на всех, как на богатых, так и бедных, что вращались вокруг них* [2, с. 115]. Таким образом, богатый дом, а, следовательно, и Британия, выступает символическим местом решения людских судеб. Однако в романе есть образ и другого дома – деревенского, с грубо сколоченным столом и дощатой столешницей, испещренной многочисленными щербинками от сечек и хлебных ножей. Несмотря на его внешнюю убогость, он являет собой место проведения политических дискуссий – пусть и на локальном уровне, которые проходят с не меньшим жаром и искренностью, чем дебаты во время проведенной лордом Дарлингтоном конференции 1923 года. Этот

сельский дом символизирует обновленную Британию, в которой политика перестала быть привилегией аристократов и власть имущих.

Стивенс всегда был предан поместью, там прошла его жизнь, особняк стал олицетворением его идеалов и выразителем его мировоззрения. Символично, что кардинальные изменения в мировосприятии героя происходят только тогда, когда он оказывается вне поместья. Уезжая из Дарлингтон-холла одним человеком, проведя ночь в маленькой уютной комнате деревенского дома, простившись навсегда со своей давней любовью, Стивенс чувствует себя совершенно обновленным, иным, чем прежде.

У героя сюрреалистического романа *«Безутешные»* (The Unconsoled, 1995), музыканта Райдера, и вовсе нет дома. Его жилье – номер в очередном отеле. Бродя по незнакомому городу, он каким-то мистическим образом всегда возвращается в отель – зачастую через некую дверь, например, пригородного кафе. Все здания города и пригорода словно являют с отелем единое целое, так как из них Райдер неизменно попадает к именно себе в номер. Таким образом, отель, в котором живет Райдер, становится знаковым в его судьбе, ибо он центр его вселенной. Отель символизирует оторванность героя от своих корней, отсутствие сугубо ему принадлежащего пространства.

Настоящий дом был у детектива Кристофера (*«Когда мы были сиротами»*, When We Were Orphans, 2001) только в детстве, когда он еще жил беззаботной и счастливой жизнью вместе с родителями. С тех пор он скитается в поисках как себя, так и своего места в жизни, пытаясь протянуть нити из прошлого в настоящее и тем самым обрести почву под ногами, свою идентичность, свой «психологический» дом.

Дом клона Кэти из романа *«Не отпускай меня»* (Never Let Me Go, 2005) – частный пансионат, единственное место, которое было ей родным, но которое, как понимает читатель, не может дать родительского тепла и заботы. Но он был приютом для своих воспитанников, которые с его закрытием почувствовали себя окончательно осиротевшими.

Таким образом, К. Исигуро в своих романах неизменно акцентирует утрату дома. Его рассказчики обитают в жилищах, которые зачастую не являются их настоящими домами, – это еще сильнее подчеркивает их одиночество, создавая лишь иллюзию настоящего дома. Все они духовно бездомные люди, ищущие надежной гавани успокоения.

Символ дома, его утраты и поиска нового, ощущение бездомности предопределены гибридной идентичностью К. Исигуро – английского писателя японского происхождения, который в свое время тоже

покинул родной дом – Японию. Именно по этой причине образ дома стал лейтмотивным символом в его творчестве.

Литература

1. Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. – М.: Астрель, 2003. – 723 с.
2. Исигуро, К. Остаток дня / К. Исигуро; пер. с англ. В. Скороденко. – СПб; М.: Домино, Эксмо, 2007. – 300 с.
3. Сидорова, О.Г. Британский постколониальный роман последней трети XX в. в контексте литературы Великобритании: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03 / О.Г. Сидорова. – М.: РГБ, 2006. – 333 с.
4. Словарь символов и знаков / авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Минск: Харвест, 2004. – 512 с.